

Психологическая сепарация в отношениях отец — ребенок

Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159–2016–0010

Харламенкова Н.Е.

профессор, заведующий лабораторией ФГБУН ИПРАН, Москва, Россия
nataly.kharlamenkova@gmail.com

Проблема психологической сепарации поставлена в науке достаточно давно. Одним из подходов к ее решению является модель, представленная в книге Н.Е. Харламенковой, Е.В. Кумыковой, А.К. Рубченко «Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы» [3]. В книге определены общие философские основания исследования психологической сепарации, проанализированы различные подходы к ее изучению, обоснована авторская теоретическая модель сепарации, а также показана специфика сепарации на разных этапах онтогенеза. Отдельное место отводится сепарации в отношениях мать — дочь и отец — ребенок.

В отличие от традиционного понимания сепарации как процесса отделения от родителей, мы определяем ее как процесс, имманентно присущий развитию личности в течение жизни, как постоянное отождествление и разотождествление человека со своими эмоциями, чувствами, представлениями о себе и о Мире, о своем поведении.

Очень условно сепарацию можно разделить на внешнюю и внутреннюю. Дисгармоничная внешняя сепарация проявляется в эмоциональном и коммуникативном дистанцировании, а собственно внешняя сепарация — в дифференциации паттернов поведения, ролей, функций. Внутренняя сепарация — это сепарация Я от внутренних объектов (Я от не-Я, структурный аспект) и сепарация образа Я (чувств, мыслей, переживаний) в настоящем от образа Я (чувств, мыслей, переживаний) в прошлом и будущем (Я от Я во временной перспективе — генетический аспект). Проблемными проявлениями внутренней сепарации являются разные виды дедифференциации: Я и внутреннего объекта, Я настоящего от Я прошлого и будущего. Кроме дедифференциации проблемная сепарация проявляется в виде дезинтеграции, например Я от внутренних объектов, в которой Я придается большая ценность.

Процесс сепарации происходит на протяжении всего жизненного пути, в контексте отношений Я — Другой. Важнейшими являются отношения между ребенком, матерью и отцом, в которых процесс сепарации может регулироваться по-разному.

В целом активная роль отца в семье связана с улучшением вербальных навыков, интеллектуального функционирования и академической успеваемости у подростков; участие отца в жизни ребенка вносит существенный вклад в уровень будущих достижений, коммуникативных стратегий, половую идентификацию детей и др.

Роль отца традиционно соотносится с процессом сепарации связей в паре ребенок — мать. Отец противостоит симбиозу матери и ребенка, поддерживает и активно подкрепляет его самостоятельность, автономию, ответственность. В связи с этим интересно остановиться не на этой функции дифференциации, а на специфике проявления другой роли отца — защитной, которая, казалось бы, должна конфликтовать с отцовскими установками на сепарацию ребенка. Иными словами, попробуем провести анализ проблемы по принципу «доказательство от противного».

Обычно защита, защищенность ассоциируется с переживанием безопасности. Для изучения представлений о безопасности (или защищенности) была сконструирована анкета, в которую вошли 60 слов-дескрипторов. Респонденту необходимо было определить степень близости той или иной ассоциации из предложенного списка дескрипторов к слову «безопасность» в соответствии с 5-балльной шкалой, значения которой распределяются от +2 до –2. В исследовании принимали участие дипломники и магистранты: Л.Х. Ароян, О.А. Благова, А.И. Шипигузова, О.С. Бондарь, А.П. Литаврина, А.С. Логвиненко, А.Д. Москвин, научный руководитель Н.Е. Харламенкова.

Цель исследования — анализ представлений о психологической безопасности с учетом пола и возраста респондента.

Гипотеза: существуют различия в представлении о безопасности у мужчин и женщин, причем в зависимости от возраста представления женщин по сравнению с представлениями мужчин меняются не зна-

чительно; существует связь между представлениями о безопасности и реализацией защитной функции в отношениях с ребенком.

В настоящем исследовании изучали представления самого «ребенка» о «защитной роли» отца, которые по данным многочисленных исследований, обычно совпадают с реализацией самим отцом этой функции. Слово «ребенок» использовалось для обозначения роли, а не возраста.

Выборка: мужчины ($n = 123$) и женщины ($n = 148$) в возрасте 20–60 лет. Выборка была разделена на подгруппы: 20–27 лет, 28–40 лет, 41–50 лет, 51–60 лет.

Самыми частотными ассоциациями на слово «безопасность» были — контроль ситуации, самосохранение, уверенность в себе, здоровье, владение информацией, жизненный опыт, опытность, надежные друзья, верность, уверенность в окружении, защита, защищенность.

Для проверки первой части гипотезы о том, что существуют различия в представлении о безопасности у мужчин и женщин, причем в зависимости от возраста представления женщин по сравнению с представлениями мужчин меняются незначительно, с помощью критерия Манна — Уитни были определены различия в частоте выбора ассоциаций на слово «безопасность». Женщины чаще выбирали такие дескрипторы, как доверие, любовь, счастье, дом, чувство комфорта, отсутствие угроз, поддержка мамы. Таким образом, в представлениях женщин защита, защищенность связана с выраженной тенденцией к воссоединению, присоединению, переживанию социальных чувств. В представлениях мужчин безопасность оказалась связанной с осторожностью, отказом от риска.

Было выявлено, что у женщин всех возрастов безопасность связана с ощущением внутреннего комфорта, положительных эмоций — радости, любви, счастья, а также с наличием позитивного окружения, поддержки; а у мужчин безопасность ассоциируется с осторожностью, отказом от риска в более молодом возрасте, а в более старшем — с жизненным опытом, автономностью и независимостью, т.е. с показателями сепарации.

Итак, первая часть гипотезы подтверждается. У мужчин наблюдается тенденция, заключающаяся в избегании опасностей и рисков в более молодом возрасте и в стремлении к автономности и независимости в старших возрастах. Для женщин безопасность ассоциируется с внутренним ощущением спокойствия, счастья и радости, с поддержкой, и это представление не меняется с возрастом.

Для проверки второй части гипотезы о том, что существует связь между представлениями о безопасности и реализацией защитной функции в отношениях с ребенком, было проведено специальное исследование [1].

Выборка: 94 человека в возрасте 18–25 лет, юноши, солдаты срочной службы. Контрольная выборка юношей и девушек того же возраста ($n = 132$ студента гуманитарных вузов Москвы (60 девушек и 72 юноши)).

Методики: анкета «Психологическая безопасность», Харламенкова Н.Е.; Опросник социальной поддержки F-SOZU-22 в адаптации А.Б. Холмогоровой, Г.А. Петровой; Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-Revised, SCL-90-R) в адаптации Н.В. Тарабриной с коллегами [2]. Был проведен статистический анализ связей между показателями Анкеты, такими дескрипторами, как «Поддержка отца», «Поддержка матери», «Автономность», «Самореализация», «Уверенность в себе» и показателями методик F-SOZU-22 и SCL-90-R.

Оказалось, что в возрасте 19–25 лет поддержка отца связана с поддержкой матери ($r = 0,47$), с защищенностью ($r = 0,31$), эмоциональной поддержкой по F-SOZU-22 ($r = 0,24$). И не коррелирует с уверенностью в себе, автономностью и самореализацией. Поддержка отца не связана с тревожностью и депрессией по SCL-90-R. Для сравнения — поддержка матери значимо связана с показателями депрессии ($r = 0,35$).

В дальнейшем представляется необходимым провести верификацию гипотезы на выборке среднего и старшего возраста. Однако уже сейчас, по результатам использования Анкеты, можно сказать, что гипотеза о связи представлений о безопасности с реализацией защитной функции в отношениях с ребенком подтверждается. Это значит, что защитная функция отца меняется по мере взросления и она тесно связана с процессом сепарации. Этот вывод иллюстрируется тем, что при использовании только одной Анкеты видно, что фактор «Поддержка отца» оказывается по-разному нагружен в выборке молодых людей, людей среднего и старшего возраста. А именно с возрастом поддержка реализуется не только в форме защиты, но и в виде подкрепления сына/дочери в развитии автономии, саморегуляции и инициативы. В отличие от матери отец защищает ребенка тем, что обучает его быть сензитивным к опасным ситуациям, различать их среди других жизненных обстоятельств и уметь их предвидеть. Такие отцовские тактики характерны для отношений с ребенком на ранних этапах онтогенеза, вплоть до юношеского возраста. Позднее отец меняет тактику и поддерживает своего взрослого сына или дочь в развитии автономии. Иными словами, при включенности отца в процесс воспитания ребенка его защитные функции не препятствуют сепарации ребенка, а, наоборот, способствуют ей.

При комплементарности в семье функций отца и матери взрослеющие дети обычно чувствуют при поддержке отца необходимость становления собственной автономии, а при поддержке матери — потребность в развитии чувства общности с другими людьми и важность принятия от них социальной поддержки.

Литература

1. *Дымова Е.Н.* Влияние разного уровня посттравматического стресса на удовлетворенность социальной поддержкой // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований/ отв. ред. В.А. Барабанщиков. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. С. 484–490.
2. *Тарабрина Н.В.* Психология посттравматического стресса. Теория и практика. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. 304 с.
3. *Харламенкова Н.Е., Кумыкова Е.В., Рубченко А.К.* Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М.: Ин-т психологии РАН, 2015.